

Посвящение Воробьёнку

PUBLIC CALL BOX

Диана Галли

18+

Диана Галли

Посвящение Воробьёнку

«Автор»

2026

Галли Д.

Посвящение Воробьёнку / Д. Галли — «Автор», 2026

Книга-исповедь, написанная в начале нулевых, но понятная каждому, кто когда-либо любил, терял и находил себя в чужих песнях и стихах. Лекарство от пустоты. Капсула времени, 2000-2006 гг. Сегодня, в мире пластиковых эмоций, отредактированных лиц и нейросетей, эта книга - нефiltroванная искренность. Этой рукописи 20 лет. Но если вы читаете ее сейчас, значит, мы встретились неслучайно. Значит, она ждала именно вас.

© Галли Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Между строк	6
«Стол накрывает ночь...»	6
Февраль	7
«Пить за любовь, которая ушла...»	8
«Вот и кончено всё...»	9
«Себя не впервой обманывать...»	10
«Снова ночь...»	11
«Гитара – сестра, любовница...»	13
«Поутру наши лица схожи...»	14
«Осиротевшие стихи...»	15
«Плачу над снегом...»	16
Кентавр	17
Вода	18
«Спичка – шорк! – огнём...»	19
«Нет возрождения снега...»	20
Грановитой Башне Коломенского Кремля	21
«Есть дом для нас с тобой...»	22
Грановитая Башня Коломенского Кремля	25
«Пусти... Пусть ты ещё со мной...»	26
«Тревожить память городом родным...»	27
«О чём с тобою говорить...»	28
«Нас ещё не венчали...»	29
«Так и будем с тобой бессонницей...»	30
«Не зову. Приучил ждать...»	31
«Это было со мной во сне...»	32
Джону, псу моему	33
Ночное	34
Полночь близится	35
«Половинку яблока – тишине...»	36
«Три долгих месяца весны...»	37
«Сомкнула тишина клыки...»	38
«Над парком, над старым Измайловским парком...»	39
«И жизнь не удалась, и смерть не удаётся...»	40
«Осталось ловить набежавшую пену...»	41
«Погребальный костёр уходящего года...»	42
«Не осталось ничего...»	43
Фотограф	44
Исход	45
«До апреля дотянуть бы, доползти...»	46
«Что ты просишь, человеке...»	47
«Заплачет под сердцем дорожная память...»	48
«Прошлогоднее пожарище тревожить...»	49
«Убежало молоко...»	50
«В который раз – уста коснутся уст...»	52
«Так и будет – день вчерашний...»	53
«В позабытой насмерть книге...»	54

«Из мрачного храма вокзала нырну в зелёный вагон...»	55
«Умираю...»	56
«На колени встану, молитву – знаю...»	57
«Рвануть дверь тамбура...»	58
«Вот и встретились два клинка...»	59
«Жду письма из Рязани...»	60
«Что ты ластишься к слову, нежить...»	61
«Странный город – сплетение улочек древних...»	62
«Всё чаще вспоминаю старика...»	63
«Когда-нибудь утром вокзальную площадь осветит...»	64
«Колокольная чаша зовёт меня с юго-востока...»	65
31 августа 2006 года	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Диана Галли

Посвящение Воробьёнку

Между строк

«Стол накрывает ночь...»

Стол накрывает ночь,
Бутылкою – колокольня.
Прочь, развесёлый, прочь.
Больно мне, снова больно.

Только не жгут свечей
На панихиде этой.
Звёзды минувших дней –
Всё, что храню от ветра.

Я солгала себе,
Но, оставаясь рядом:
Пить до утра любовь
Горьким тяжёлым ядом.

Пить, забывая боль,
Боль, что зовётся силой.
Кто напроорочил роль
Жить, когда отлюбила?

Нужно, чтоб вышел весь
Пир, панихида эта.
И засияет крест
В первых шагах рассвета.
2000

Февраль

Февраль-нелёгкая пора
И месяц снега.

Бессонны ночи до утра,
Мечта побега.

Тяжёлой поступью идут
И дни, и ночи.

Ещё чуть-чуть
И пропадут,
Угаснут очи.

Февраль - проклятая пора,
Жизнь в круговерти.

Бессонны ночи до утра
Беды и смерти.
2001

«Пить за любовь, которая ушла...»

Пить за любовь, которая ушла,
Пить за любовь, которая придёт.
А на закате плачут купола,
А на рассвете колокол зовёт.

И от креста, что на сердце лежит,
До тех крестов, что радуют ветра,
От суеты и зависти, и лжи
Немеют губы и колокола.

Но вешний дождь на все печали дней,
На все дела и души, и пути.
Пить за любовь, что чище и светлей,
Пить за любовь.
Она должна прийти!
2000

«Вот и кончено всё...»

Вот и кончено всё,
Всё, что было у нас.
Ветер бросит в лицо
Пару искренних фраз.

Я боюсь одного,
Что ты тоже умрёшь.
А сейчас ничего.
Только дождь,
Только дождь...
2001

«Себя не впервой обманывать...»

Себя не впервой обманывать,
Пройдя поперёк дорог.
И всё переделать заново.
Да кто бы помочь мне мог?

Забыть, чтобы снова встретиться,
Исчезнуть, чтоб вновь прийти.
Но странная куролесица
Всем людям не по пути.

Играю судьбой, доказано,
И не понимаю смысл,
Зачем все дороги связаны
В запутанный узел - жизнь?
1999

«Снова ночь...»

Снова ночь.
Одеяло в крапинку
Частых звёзд.

Снова ночь.
Одиночеств свадебных
Выход прост:

Расплескалась,
Звеня монистами
От души.

У невесты
Полно завистниц,
Но ТЫ – пляши!

Так пляши –
Чтобы вихри по полу,
Гуд в ушах.

Согреши,
Обманула прошлое! –
Хороша!

Гости пьяные,
Бьют стаканами
Под каблук.

На прощание:
- Любо ль, пане мой?
Милый друг...

За околицей
Белой конницей
Ночь летит.

Мать помолится,
Сердце – звонницей.
Уходи...

Снова ночь.
Одеяло в крапинку
Частых звёзд.

Чьи-то свадебки.

Плачешь, паценка...
Но всерьёз...
1999

«Гитара – сестра, любовница...»

Гитара - сестра, любовница,
Измученная бессонницей.
Ты видела подоконники,
С которых шагнуть вниз хочется.

Гитара - сестра, изменница,
Любимая, кем просватана?
Бесстыдница, виновата ли,
Что сердце так мало ценится?

Гитара - судьба, разлучница,
До смерти моё проклятие.
Сестра моя в грязном платице,
Крыло моё, крест, попутчица...
2003

«Поутру наши лица схожи...»

Поутру наши лица схожи,
Однозначны, бессонницей стужены.
Поутру каждый в мире – прохожий:
Не спаситель, не враг и не суженый.

Ветром кованы, снегом латаны,
Уходящие от порога,
Все дороги, что мы просватали,
Всё, что выпрошено у Бога...
2001

«Осиротевшие стихи...»

памяти Юрия Кузнецова

Осиротевшие стихи

Воркуют в памяти, как птицы.

Поэт, кормивший их с руки,

Покинул шумную столицу.

Ушёл. Безмолвие в ответ

На переключке. Всё отпето.

Один дуэльный пистолет

Для всех времен и всех поэтов.

А мы, оставшиеся ныне,

Напишем новые страницы.

И в нашей памяти на имя

Слетятся строки словно птицы...

2003

Выбор

Из ста смертей я выбрала любовь,

Из ста страстей я выбрала разлуку.

Всё повторится, будет вновь и вновь –

Гореть мостам, и возвышаться духу.

Забывтой стать я не боюсь, ничуть,

И только жаль, что плакать не умею.

Туда, где свет, вернусь когда-нибудь,

А там, где тьма, кого-нибудь согрею.

2001

«Плачу над снегом...»

Плачу над снегом,
Плачу открыто.
После побега.
Сердце разбито.

Что остаётся?
Встать на колени,
Возле колодца
Выстрелить в темя...

Плачу над снегом,
Плачу открыто.
После побега.
До суицида.
21.11.01

Кентавр

Он шёл по городу и молчал.
Ночному городу снились люди.
И только ветер огни качал,
Чтобы никто не узнал о чуде.

Он шёл, копыта взметали снег,
А лук в ладони дрожал от жажды.
Но стрелы кончились в феврале.
И это было уже не важно.

Он шёл, а тени метались вслед,
Пытаясь тела его коснуться.
Но человеческий торс во тьме
Мог не понять и обернуться.

И он застыл на углу Тверской,
И закричал, болью веки смежив:
– Есть кто живой здесь? Есть кто живой?
Но временами играла нежить.

Никто не слышал. Кентавр лёг.
И только пёс прибежал в испуге
И выл над телом. А конь издох,
Но человека оставил вьюге.
2004

Вода

Вода в проступающих венах,
Морская вода на рассвете,
Когда алеющей пеной
Закашлялся встречный ветер.

Вода в сердцевине бьётся,
Морская вода на закате,
Когда в мировом колодце
Луна полоскает платье.

И если слова прихлынут,
Уста, увлажняя слезами,
То это волны бессильно
Мечутся меж берегами.
2003

«Спичка – шорк! – огнём...»

Спичка – шорк! – огнём,
Газ засветится.
Голубым цветком,
Соком месяца.

Но снега лежат,
Снова холодно.
Что, душа моя,
Или – голодно?

Спичка брызнула.
Да ведь можно же!
В пальцах искрами
Моё прошлое.

И снега кругом,
И отчаянье.
Голубым цветком
Газ.
Раскаянье...

«Нет возрождения снега...»

Нет возрождения снега,
Есть обещание – снова.
Нет восхищённого бега,
Есть - я пока не готова!

Богу в лучистые очи
Я улыбаюсь бессильно:
Было так странно и просто
Переломать свои крылья!
2001

Грановитой Башне Коломенского Кремля

Здесь тщетно звать кого-нибудь:
Никто не слышит нас.
И только эхо «не забудь».
И светел сонный Спас.

Года, что прожуют наш бег
И наши голоса.
Но здесь на оклик: «Человек!»
Откликнуться нельзя.

И нет закона для людей,
Есть дело, мир и явь.
И ты решаешь о судьбе,
Но не решишь, оставь.

Но, может быть, из суеты,
Из вечности придет
Весёлый ветер красоты,
И башня оживёт?
12.07.03

«Есть дом для нас с тобой...»

Есть дом для нас с тобой,
Но нет в нём света.

Есть крылья, есть любовь,
Но нет ответа.

И что нам небеса,
Пустыня ль, бездна?

И что нам – голоса,
И что нам – песни?

Возьми меня в закат
И будь со мною

Единственной
Надёжною звездою.

13.08.03

Прощание с городом

I.

До скорого!
Я выжила, я спела.
И начала полёт легко и смело.

Отпела, то изведав, что дано
Мне новое:
Стучаться сердцем в небо.

Как я просила этого нелепо!
Всё суждено.
Всё было суждено.

Тебя мне дал, твою слепую душу,
И право жить, идти, любить и слушать.
И просто надо верить, чтобы жить.

И эту клятву – страшную, святую,
Я только раз давала, в ночь иную:
Уйти и ничего не позабыть.
21.08.03

II.

Как этот город в память убаюкать,
Как прошлое оставить и простить?
Над башнями пустить стрелу из лука,

А за столом прошу не голосить.

Неведомое будущее манит.
И только иногда уронят сны
Коломну и до дикости изранят.
И возвращаюсь я из тишины.

Иду по мостовым вчерашних судеб,
Иду по пряслам прежних дней и лет.
А путь? Не оттого ль так странно труден,
Что дан Коломной – выверен, согрет?

Прости, что убегая, что не знаю,
Зачем, чего ищу в других краях.
Прости, что ни о чем не забываю,
Но лишь один по-прежнему мой страх:

Что не вернусь...

Вернусь, жди только знака!
И сулицей дорога промелькнёт.
На башне лаем изойдёт собака,
И воевода встретит у ворот.
21.08.03

III.
Отшептала родному городу,
На перроне решая главное,
Ох, ласкал меня ветер холодом,
Выл да с хохотом: «Дело славное!»

Утекала дорога к северу,
Выкликая из сердца прошлое,
Где, любя, ни во что не верила,
Замогильно, в безумье брошена.

Запечалилась мать, заохала,
И отец осознал, что деется.
Но уже не сдержать Коломною
Непутёвейшую их девицу.

Вы простите меня да милуйте.
И поймите, что час мой близится.
Я вернусь (да в пути не сгинуть бы),
Чтоб креститься да небу лыбиться.

Я вернусь. Мне молитва с песнею
Крылья верные, свет мой – солнышко,
И пускай на столичных лестницах

Жизнь изведаю – так до доньшка.

Будет день – помолюсь за прошлое,

Будет ночь – отмолю, что сгинуло.

Но теперь мне дорогой брошено

Настоящее, светлокрылое.

30.08.03

Грановитая Башня Коломенского Кремля

Что видишь ты из сумрака,
Прорвав блокаду века?
Кто успокоил сокола
На рукавице дней?

Ушёл твой отрок, улетел
За предстоящим снегом.
И не найти его теперь
И с высоты твоей.

Что снится стенам и мостам,
Мечам и копьям тонким?
Что видит со щитов твоих
Седой единорог?

Всё тот же люд: разинув рты,
Мальчишки и девчонки...
А между тем всещедрый Бог
И близок, и далёк.

Спи до поры, мой гордый дом,
Раскрыв крылами прясла.
Да не угаснет свет бойниц,
Не потускнеет сталь.

Нелёгко путь, и незнаком
С добром столичный ястреб.
Но начат был с тебя полёт,
И ничего не жаль.
30.08.03

«Пусти... Пусть ты ещё со мной...»

Пусти...
Пусть ты ещё со мной.
Пусты ладони
Пустотой.
Так пусто той,
Что ищет что-то
За взглядом,
Как за поворотом.
Спаси...
Спас и чужой во мне.
Спаси Бог тех, кто в тишине
Тебе спасибо говорят,
За то, что ты
Не у меня.

Ушла...
Уж ладно бы сама –
Бушлаты, бурки и зима.
Уж ладан выдохся давно.
В душе неладно и темно.

Пускай...
Пусть каюсь я во всём.
Пуст край,
Где были мы вдвоём.

Впускаю прошлое в себя,
Пустая – значит, без тебя.
2003

«Тревожить память городом родным...»

Тревожить память городом родным
И безголосьем сумерек осенних.
Где прежнее «Спаси и Сохрани»
Не сохранит ни сил, ни вдохновенья.

Бродить, каштаны в парке собирая,
И, ничего понять уже не в силах,
Пожар цветов последних наблюдаю,
Что было, что могло быть, что же было?

И только город, как и прежде, просит
Запомнить всё, что дарит эта осень.
2003

«О чём с тобою говорить...»

О чём с тобою говорить?
И помолчать нам не о чем.
И даже взгляды не скрестить
Ни злобно, ни легко.

Ты улетел, оставив жить
Волчонка, злую девочку.
Теперь она своя в лесу –
Средь города волков.

Поёт нечасто, но зато
Уверенно и метко.
И глаз не отведёт теперь,
Когда в упор глядят.

Что было – было нелегко
И больно, и бессмертно,
Но твой далёкий окрик – Верь!
Ей подарил себя.
2002

«Нас ещё не венчали...»

Нас ещё не венчали,
И вряд ли когда-то случится
Этот странный обряд,
Что на царствие и небеса.

Но в тоске и печали
Моя изнурённая птица
На плече у тебя,
А крылами – прикроет глаза.

Я тебя не зову,
Я тебя не ищу,
Я лишь голос,
Обронённый далёким названием –
Град на Оке.

Но к тебе прилечу,
Потому что за счастье боролась.
Есть такое призвание –
быть воробьёнком в руке.
2002

«Так и будем с тобой бессонницей...»

Так и будем с тобой бессонницей
Непростого в понятиях города.
Если б знал ты, какая звонница
В моём сердце молчит от голода.

И какие печали пьяные
Поутру проступить пытаются.
Ничего, все в миру незваные,
Все пред Богом Всещедрым каются.

Так и будем ползком да волоком,
Из обиды в обиду падая.
А сегодня приснилось облако,
Непонятно чем душу радуя.

Поутру снежной солью лечимся,
Улыбаясь, прощаем вечности,
Что без толку по свету мечемся
От сиротства до человечности.
19.12.03

«Не зову. Приучил ждать...»

Не зову. Приучил ждать.
Только в сердце горька медь.
За столом и стакан – мать,
За столом и не грех спеть.

Спеть о том, что грешна плоть,
А душой не спасти всех.
Про меня записал Бог –
Полюбить твой седой мех.

Да щенячья моя злость
На шакалье нутро дам,
Тех, что правили пир тот,
Где тебе этот рок дан.

Да куда уж щенку знать!
Волчью горечь. Лакать, выть.
За столом и стакан – мать,
Об ушедших не голосить.

Закрутила меня жуть
Да не вить уж петель впредь.
Если волчья судьба – путь,
То не дело искать смерть.
24.12.03

«Это было со мной во сне...»

Это было со мной во сне,
В год иной и в другой стране.

Даже звали меня иначе,
Я другая была, тем паче.

Сивогривая шакалица
Выгрызала из сердца птицу.

И потерянная сума,
Нежеланье сходить с ума.

И петля на зашивке стылом –
Зло и горестно – так же было!

Но теперь почему всё тоже
На ином берегу и ложе?

Там спасло меня только чудо,
Но теперь ничего не будет.

Предаю себя в Божью милость,
Что бы ни было, ни случилось.

Джону, псу моему

Слышишь, брат, это я тоскую
По тебе в стороне иной.
На ладони твой дых почуяв,
Тихо спрашиваю: «Живой?»

Но молчит полусумрак здешний.
Ты не вырвешься из куста.
И не кинешься бить потешно
Влажной пастью в мои уста.
2003

Ночное

Если каждую ночь, что мы были вдвоём, написать на холсте,
То окажется, мы были путники собственных тел.
Мы искали в ладонях себя. На губах в темноте
Каждый в небыль ушедший закат до конца прогорел.

На ресницах рождался рассвет, на губах тишина.
В зове плоти звучала мелодия старых дорог.
Каждый раз поутру прорастали из вещего сна.
И к началу начал подводил этот странный урок.

Мир не вечен. Однажды проснувшись, мы были слабы.
Предрассудков и домыслов злая рука развела.
Перед гордым лицом лживой суки с обличьем судьбы
Мы ушли в никуда, мы сбежали в чужие дела.

Только тело тоскует, мой горький побитый сосуд.
В нём прокисло вино: ни для пира, ни для алтаря.
Но тебя мои слабые руки по-прежнему ждут.
И ключица, струною натянута, кличет тебя.

Если каждая ночь – ожидание сонных снегов.
Если каждый рассвет – возвращение в небытие,
Расскажи всё заранее: как мне ходить по земле,
Если радости нет и безвременье в сердце моём.
2003

Полночь близится

Полночь близится, нет прощенья
Недосказанному в ночи.
Безрассудное сновиденье,
Словно память моя, горчит.

Полночь близится. Боль острее –
Лунным лезвием по груди.
И знакомо сползла по шее
Бечева темноты. Уйти

В полночь близкую ластить очи
Пустоте и безлюдью трасс.
Выдох выстрела не короче.
Может, всё-таки в этот раз?

Полночь близится. Полнолунье.
Истекла до конца душа.
Вот и кончено всё. Фортуна
Стала пятиться не дыша.
2004

«Половинку яблока – тишине...»

Половинку яблока – тишине,
Половинку яблока – про запас.
Двадцать лет назад вспомнил обо мне
Чей-то мудрый Бог и повёл рассказ.

Рассказал о стуже, тепла едва
Огоньки архангельских деревень.
И поведал басенку тополям
На другом краю у морских дверей.

И на вёрсты брошенную петлёй
Жизнь моя легла между книг и трав.
Среднерусский город, что уберёт
Мою сказку в сломанных позвонках.

И лежала память на паперти,
У людской немилости под рукой.
И таилось главное впереди.
И кипело чёрное варево.

Половинку яблока – тишине,
Половинку яблока – впрок таи.
Десять лет назад обещали мне
Годы тихоструйные для любви.

А они сорвались плетью коню,
А они пропахли отравой слов.
И пропить невмочь то, что не спою,
Распугала грёзы моя любовь.

Половинку яблока – впрок таи.
Половинку яблока – про запас.
Двадцать лет назад Бог повёл рассказ –
Так и катит яблоком меж людьми.
2004

«Три долгих месяца весны...»

Три долгих месяца весны
Не подарили воскресенья.
Они текли, обречены
На бесполезное круженье.

Дом промерзал до немоты,
И окна в нём заиндевели.
И ощущение беды
Сочилось из-под чёрной двери.

Ползли по стенам голоса
И тихим звоном осыпались.
В жару и дождь по адресам,
Замёрзнув, гости разбредались.

И только осень посошок
Присела выпить вместе с летом,
В том доме вспыхнул костерок -
Крыло кленового букета.
2004

«Сомкнула тишина клыки...»

Сомкнула тишина клыки
На горле золотого леса.
И гордо вспыхнули зрачки
Костров у изголовья песен.

Пропахли хмелем имена,
Рассеявшихся по палаткам.
И горьким чаем ночь полна.
Друзья, вы спите сладко – сладко.

Пусть начинает разговор
Пронизанный сияньем ветер.
Он просит ласки у озёр,
От безответности их светел.

И я, последний часовой.
У тишины прошу напиться.
И всё пытаюсь за судьбой
Успеть перевернуть страницу.
(17.11.04)

«Над парком, над старым Измайловским парком...»

Над парком, над старым Измайловским парком
Кружи и кружи, моя синяя память.
Той школьной тетрадкой, заветной тетрадкой
С обрывками счастья и запахом мамы.

А если дожди зазвонят, засмеются,
Читая листву и страницы листвы,
Не смогут ни строчки, ни слова исправить.
Кружи и кружи, и кружи, засыпая.
2005

«И жизнь не удалась, и смерть не удаётся....»

И жизнь не удалась,
И смерть не удаётся.
Но держит на плаву
Забытое давно.

Какая рядом мразь!
Уж то-то посмеётся,
Что не переживу.
Не вынесу всего.

Так проще быть шутом,
И корчить злые рожи.
Лупить того, кто слаб,
По худенькой спине.

Но мне не повезло,
И рассмешить не может
Унылая судьба,
Доставшаяся мне.

И жизнь не удалась,
И смерть не удаётся.
И держит на плаву
Забытое тепло.

И снова по утрам
Московские колодцы
Я вижу. И живу.
Да всем чертям назло!
2005

«Осталось ловить набежавшую пену...»

Осталось ловить набежавшую пену,
Наотмашь проклятьями бить.

Смолить обещаньями, пить за измену,
Трепать ветошь старых обид.

И, прячась в сознание собственной силы,
Отсеять сомнения тем,

Что проигрыш равен победе над миром
И нет никаких перемен.
2005

«Погребальный костёр уходящего года...»

Погребальный костёр уходящего года.
В чёрных жилах ветвей догорает сознание.
И на выдохе воздух дымит: «Свобода...»
А на вдохе почудится вдруг обещание.

Шаг – скольжение, смещение, смешение красок
От кровавых до сладко-янтарных потоков.
Напряженные ветви болят проказой,
И дыхание тягучее так одиноко.

Погребальный костёр уходящего года,
Искупление грехов и тщета ожидания.
Пусть на воздухе выдох дымит – свобода.
Пусть на вдохе почудится мне обещание.
2005

«Не осталось ничего...»

Не осталось ничего:
В доме кончилась любовь,
Будет.

И на окрик:
– Кто живой?
Захрипел водопровод:
– Люди...

Засветился, задрожал
Синим пламенем
Цветок газа.

Темень стынет по углам.
И тринадцать лет пусты –
Сглазил.

Темень стынет по углам.
В дом собачьи со двора
Очи.

Закрути на кухне кран.
Пей до позднего утра
Молча.
2006

Фотограф

*** *памяти Миши Теуцакова*

Упрямо тянет поводок
Взбесившееся время.
И мы всё дальше от людей.
Всё ближе суета.

Уже не помним – для чего
Мы пили вместе с тем,
Кто был подлец и лицедей,
Но с нами пел тогда.

Не угадать – кто друг, кто враг,
Кто притворился честным.
И женщины прощают зло
Вчерашним палачам.

Фотограф, посмотри-ка сам,
Сними всё незаметно.
На плёнке прояви добро
И нам открой глаза.
2005

Исход

Вот и всё. Было странно и больно,
А теперь ничего. Только ветер
Рассмеялся гитарным аккордом
И рассыпался. Словно ответил.

Я по небу иду, по лазури,
Облака шевеля шаловливо.
Знаешь, мальчик, тебя обманули,
Обещая, что мы будем живы.

Как легко. Это кажется только,
Что конец, и уже не вернуться.
На столе и на старенькой полке
Воробьятами книжки собьются.

И мои побледневшие фото
Из распахнутой форточки хлынут,
Опадая на маленький город
Откровением ломаных линий.

Вот и всё. До свиданья, до встречи,
Облака и немного усталость.
Мы увидимся снова, конечно.
Только вот не узнаем, пожалуй.
2005

«До апреля дотянуть бы, доползти...»

До апреля дотянуть бы, доползти,
До разлива рек, до нового тепла.
Душу горькую свою зажать в горсти:
Ты на Пасху будешь, пташенька, бела.

Растворю ладонь – лети, крылом слепя;
Смелым росчерком, похожая на крест.
Знак того, что Бог помиловал тебя,
Благовест...
2005

«Что ты просишь, человеке...»

***доктору Полтеву

Что ты просишь, человеке,
Что смогу подать?

Горько-винный
Зимний вечер,
Снежная кровать.

Смех надломленного хлеба,
Соли нашепчу.
Солнечной краяхи мне бы,
Тогда заплачу.

Заплачу или заплачу,
Пригоршней бери.
И в глаза медвяным плачем
Брызнут фонари.

Побредёшь, глотая сумрак,
В горле ком – грешок.
Лишь обветренные губы
Шепчут:
– Хорошо...

«Заплачет под сердцем дорожная память...»

*** А. Ф.

Заплачет под сердцем дорожная память,
Оступится время. Споткнётся судьба.
И прошлое счастье мелькнёт между нами:
Ты слаб оказался, я тоже слаба.

Порывы, призывы – рассеяли годы,
Спокойна любовников участь и зла.
Я ветром по миру – из города в город,
Как ты в кабаке – от стола до стола.

Но взвизгнет струна, и апрель рассмеётся,
Припомнится песня твоя – баю-бай!
Никто не вернётся, ничто не вернётся,
Целую тебя перед сном: «Засыпай».
2004

«Прошлогоднее пожарище тревожить...»

Прошлогоднее пожарище тревожить,
Ворошить и ворошить солёный уголь.
Звать и звать огонь: «Ну, что же ты? Ну, что же?»
И найти зазимовавший в шишке рубль.

Утаить в карман зелёную монету.
Что искать огня? Метель шарманку крутит.
Я уеду разносить тоску по свету,
В города. Туда, где оставались люди.

Только там, лохматя облачное стадо,
Сосны вычерпают озеро корнями.
На пожарище осядут снегопады,
Дождь поплачет над солёными углями.
(31.10.04)

«Убежало молоко...»

Убежало молоко.
Мама обернулась,
Огорченью – грош цена.
Не грусти, не злись!

Просто нынче допоздна
Не уходит с улиц
Дворовая ребятня:
Просит петь на «бис».

Я пою, а детвора
Слушает, нахмурясь,
Песни старые мои,
Новые стихи.

И мальчишки с десяти
Очень много курят,
А девчата красятся:
Вот и все грехи.

Чьё ты, поколение?
Улочек забытых
Вязь провинциальная,
Скука да вино.

Раннее влечение,
К миру ли, к молитвам.
Травка за компанию,
Водка ль – всё равно.

Убежать? Да некуда
В двух часах – столица.
ПТУ да армия,
Да Пединститут.

Нарожают девочки,
Мальчики – повымрут
В драках. В пьяной одури.
Попадут под суд.

Те ж, кому в горячие,
Грозовые точки –
Те вернутся мечены,
И не рассказать.

Матери да женщины,
Вот они, сыночки,
Сплошь перекалечены.
Лучше б не рожать.

Убежало молоко.
Мама обернулась,
Огорченью – грош цена,
Не грусти, не злись.

Просто нынче допоздна
Не уходит с улиц
Подмосковная родня.
Просит петь на «бис».
2005

«В который раз – уста коснутся уст...»

***А. Ф.

В который раз – уста коснутся уст,
И задохнусь, и прошепчу: «Не надо.»
И там, в груди – знакомый сочный хруст.
То сердце рухнет гроздью винограда.

Ты соберёшь янтарных ягод чётки:
Молись, твори вино или продай.
В который раз целуешь. Пахнешь водкой.
Чужой мужчина. Двадцать первый май.
2006

«Так и будет – день вчерашний...»

Так и будет – день вчерашний
Улыбнётся на прощанье.
И уйдёт, затопчет пашню
Бык – безумец – обещанье.

Опьяневшие кентавры
Бьют копытами закат.
Славно, как же было славно!
Но Геракл – не виноват.

И Хирона точит мука,
Поднесённая богами.
Но ни стоны, ни ни звука –
Так титаны учат сами.

И последние герои
Станут пыльной сказкой мира.
Вспомнит кто, какой судьбою
Всех героев наделило?
Так и будет...

«В позабытой насмерть книге...»

В позабытой насмерть книге
Меж просоленных страниц
Бродит тень улыбки тихой
В строчках, полных небылиц.

Переплёт вздохнёт покорно,
И знакомые слова
Захрустят зерном отборным,
Закружится голова.

И качнутся, и растают
Зеркала прошедших лет,
Словно веер даль морская
Развернётся мне в ответ.

Побегу вдоль побережья,
Ветер захлестнёт глаза.
Опоздала, как и прежде,
Затонули небеса.
2004

«Из мрачного храма вокзала нырну в зелёный вагон...»

*** *Андрею Бельскому*

Из мрачного храма вокзала
Нырну в зелёный вагон.
Кому-то утром сказала –
(Он, кажется, был влюблён),

Что стылым апрельским утром,
Просвечивая по шву,
Я выйду к началу песен,
А значит – переживу.

От доброй пивной истома,
Пропахшая табаком,
Я выпаду на знакомый,
Обветренный тот перрон!

Мешая снега с листвою,
Протяжно стащусь в кювет.
И хрустнет былой зимою
Под сердцем моим куплет.

И там, над седым болотом,
Я, зимней прохлюпав юшкой,
Увижу и возле брода,
Воскликну, вскричу – Андрюшка!

И снова на Белом Слёте,
Над самым последним снегом
Надежда меня находит –
Свет, сотканный в человека.
2005

«Умираю...»

Умираю...
Морали орали
В разбитый висок.

Умираю...
Едва ли, едва ли
Я выйду на зов.

Тёмной
петелькой
речки –
награда.
Спокойно,
крепись.

Мне бы сердце.
А так,
для распада
придумана
жизнь.

«На колени встану, молитву – знаю...»

На колени встану,
Молитву – знаю!
Я была Татьяной.
Теперь иная.

Руки те же – грифа
Коснутся смело,
Только губы криком
Набухли спелым.

Руки те же –
Тянутся, хлеба просят,
Нож берут, упрямые,
Бьются оземь.

Плечи те же – сила
Речных порогов.
Но уже сломило,
Не надо трогать,

– Отче, слышишь ли?
Боль свою приемлю.
– Тише, тише ты,
Будет, будет! С кем ты?

Отступись, отринь,
Отойди от мира.
Вот вскипает дым
Над приютом сирым.

Эта боль смешна
И не стоит слова.
В поле не одна.
– Отче, я готова!
30.06.05

«Рвануть дверь тамбура...»

*** *Мэо*

Рвануть дверь тамбура –
Слепит от ветра.
И жаль, что знака нет
На километре.

Да я бы вышел прочь
И поезд скорый.
Но там осталась дочь.
И сонный город.

Да я бы вышел прочь!
Но у рассвета
Стрельнёт зверёныш милый
Сигарету.

Он будет ждать,
Чуть слышно напевая.
А я женат!
Зверёныш-то не знает!

Мне тридцать третий год,
Не хватит силы.
Чего зверёнок ждёт?
Он любит, милый.

Захлопну дверь,
В купе вернусь, довольно.
Там, на вокзале – зверь,
Ему же больно!
июнь 2005

«Вот и встретились два клинка...»

Вот и встретились два клинка:
Скрамасакс и двуручный меч.
Пересвет с Челубеем так
Начинали когда-то сечь.

Полумесяца серп мерк,
Православный крест вис нем.
И промеж всего – ты с кем?
И над всем этим – зачем?

Паволоку веков прочь,
Просыпаюсь, и явь зла:
Я обеих сторон дочь,
Я Непрядвою притекла.

Слева – барс и тугой лук,
Справа - крест и стальной меч.
Слева – ханский огонь вдруг,
Справа – Божья звучит речь.

Чья душа у меня? Чья?
Дочь восточного ли царя?
И зачем я теперь, зачем?
Православная дочь есмь.

«Жду письма из Рязани...»

Жду письма из Рязани.
Так ждут только тех, кто вернётся,
Кто уже позвонил
И сказал, что пешком доберётся.

Кто, ночным фонарям улыбаясь,
Куря на ходу,
Ключ в кармане сжимает,
Себя подгоняет: Иду!

Жду письма из Рязани.
От белого хмурого чуда.
Где машины сигналият,
А птицы молчат почему-то.

Где сильнее вдохнёшь
И уже оторвался, летишь.
Где улыбчивый дождь
Обнимает и шепчет: «Малыш...»

Жду письма из Рязани,
Свет клином сошёлся – под сердце.
Поезд вне расписаний,
Отмена. И некуда деться.

И осталась лишь песня одна:
Дождь, стучащий в оконце.
Жду письма. Лишь письма.
Напиши мне, что выглянет солнце.

«Что ты ластишься к слову, нежить...»

Что ты ластишься к слову, нежить,
Бельма глаз своих наклоня?
И зачем теперь душу нежит,
То, что сгнуло для меня?

Словно брошена, словно проклята,
Словно тленом очи подёрнуты.
Словно прожито оно, горькое,
Еле теплится Слово Горнее.

А под утро выкину гитары труп.
Мертворожденная. Пустозвонная.
И сорвётся крест с колокольни груб –
Две руки, две ноги. Масть червонная...

«Странный город – сплетение улочек древних...»

*** *А. Ефремову*

Странный город – сплетение улочек древних.
Никого, с кем бы чашу воды разделить.
Где оконца – глаза Несмеяны-Царевны,
А проулки – автограф: «Тоска, извини».

У салатовых стен, где читаешь «Голутвин»,
На углу – водосточной трубы жадный рот.
Здесь начало пути, только бес ли попутал?
Вкруг трубы водосточной – мой круговорот.

Здесь прощалась когда-то с воронежским парнем,
Неизвестно зачем приезжавшим ко мне.
И, подумать, помыслить – совсем уж недавно
Здесь пытался проститься воронежский снег.

Он глаза прикрывал капитанской фуражкой
И прощался, а я не смогла повернуть
И поехала дальше, учитель мой, Сашка!
В добрый путь, – повторяю себе, – добрый путь!
март 2006

«Всё чаще вспоминаю старика...»

*** *памяти Александра Попкова*

Всё чаще вспоминаю старика,
Любимого и славного актёра.
Почудилось: ему в дорогу скоро,
И жаль, что не успею до звонка.

Качнётся, поплывёт его вагон.
Там в окнах свет, там слишком много света.
И не купить в его купе билета.
Он сам не покупал билет – закон.

Там проводник безмолвно подойдёт.
И чаю не предложит. Улыбнётся.
И будет звонко скатываться солнце
Вчерашнею монеткою забот.

И будет тень состава над землёй,
Косой стрелой, чертой, после которой
Актёр сойдёт на станции «Покой».
Почудилось - ему в дорогу скоро.
2006

«Когда-нибудь утром вокзальную площадь осветит...»

Когда-нибудь утром вокзальную площадь осветит
Лучистым проснувшимся голосом птаха слепая.

И выпадет в руки того, кто улыбочиво встретит.
И будет смеяться, и будет смолкать, замирая.

А конь, осторожно ступая, свезёт их на берег,
Туда, где друзья разложили палатки и песни.

И город послушно раскроет навстречу все двери,
Чтоб не было больно и грустно, и не было тесно.

Ветра со стола посшибают под утро стаканы,
И лучшие песни подарены будут, и строки.

Присядут на берег и будут молчать об Афгане.
И слушая море, забудут, что всё ж одиноки.

И служба, и дружба, и годы, и дальние тропы.
И те рубежи, на которых свой выбор вершили.

Всё это – дорога, всё это даётся от Бога.
И живы пока, поживем, коль до встречи дожили.

Покатится время монеткой по плахе причала.
У птахи взлохмачены перья – душа нараспашку.

Когда-нибудь утро прольётся из чаши вокзала.
И хочется верить, что это случится однажды.

«Колокольная чаша зовёт меня с юго-востока...»

Колокольная чаша зовёт меня с юго-востока,
И звенят в предвкушение полёта мои позвонки.
Но не тяжёк рюкзак и гитара, что с правого бока.
И не тяжки уже предрассветные сны и стихи.

Распахнусь на ветру и припомню, что было так горько
Ровно месяц назад выходить на далёкий маршрут:
Тучи в небе толпились, клыкастые книжные орки,
Лишь товарищ тогда выручал, говорил: «Подвезут!»

Круговерть, круговерть закружила, разбила о берег.
Искушение, морок, сомнение - плевали в глаза.
А когда мы шагнули на землю в Тулонской аллее –
Начиналось иное, и кончилась злая гроза.

Я полжизни без моря жила, бестолково воюя,
За пределы рассудка кидаясь в похмельном бреду.
Только что мне теперь – от звезды до звезды я кочую,
От себя до себя настоящей упрямо иду.

Разделив пиалу, дописать непокорную песню,
На узбекском смеяться, на русском привычно молчать.
Осознав, наконец, что «сиротство» – когда тебе нечем,
Да и не для кого всё на свете сначала начать.

2006

31 августа 2006 года

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.